

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Орган Федерации Объединенных Советских Писателей РСФСР
МОСКВА 4 ДЕКАБРЯ 1930 г. № 57 (94)
РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25. Дом Герцена. Тел. 2.80.12

НА БОРЬБУ С ИНТЕРВЕНТАМИ И ВРЕДИТЕЛЯМИ

Дело «Промышленной партии» привлекло внимание всего мира. Весь мир с напряженным вниманием слушает повесть о том, как банда оголтелых предателей и вредителей, захватившая власть в промышленности, пытается превратить страну строящегося социализма в колонию международных банкиров, фашистов и биржевых дельцов.

Пролетарский суд объявил пружины чудовищного заговора против того дела, которое создавалось усилиями миллионов трудящихся, которому мы тринадцать лет отдавали свое творчество, свои силы, свою кровь.

Тринадцать лет мы боремся за новую социалистическую культуру, взрываем горы темноты и невежества, ликвидируем неграмотность миллионов крестьян и рабочих, в Рабштинские и Рабштинские вновь хотели вернуть нашу страну в бездну тьмы и мракобесия.

Вместо самодержавной России, которая была когда-то тюрьмой народов, мы создали на основе ленинской национальной политики невиданный ни в одной стране братский союз свободных народов. Они же вновь хотели вернуть нас к прошлому, хотели распродать нашу страну нефтяным королям, международным биржевым спекулянтам.

Наряду с тем, что в Рабштинском — «Необходимая война». Со спонсорством опытного палача и в то же время с повсюду биржевого маляра он убеждает веролюбов капиталистов и крестьян Союза Советов!

Безразличного тут ничего нет. Затратив один миллиард рублей, человечество читает международные капиталы и получает доход не менее, чем в пять миллиардов, т. е. 500 процентов и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100—200 проц. Где найти дело лучше?

Рабочий класс под руководством своей большевистской партии делает огромные успехи в деле социалистического переустройства деревни. В деревню внедряются машины, электричество, передовая промышленная техника. На базе сплошной коллективизации мы приступили и к ликвидации последнего эксплуататорского класса — класса кулаков. Они же хотели вернуть в деревню помещика, мадамара, нагайку и соху.

В Советской стране, где труд стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма, они хотели восстановить жестокий колониальный эксплуататорский класс.

Величайшей творческой активностью масс, преодолевая огромные трудности, мы выполняем и перевыполняем пяти-

1000 РАБОЧИХ-ЛИТУДАРНИКОВ ПЕРВЫЙ ИТОГ ПРИЗЫВА В МОСКВЕ

Президиум МАПП совместно с райотделами «Обучил инициативный доклад призвания ударников в литературу».

— Надо призывать, — говорит В. Кирилов, что МАПП в основном справился с задачей призвания ударников в литературу. Вышли 1000 литударников, причем в ряды Московской ассоциации пролетарских писателей; в МАПП — 93 проц. рабочих — вот итог первого этапа призвания.

В результате призвания перестроили работу районных организаций МАПП. В Орехово-Зуеве на всех ткацких фабриках организованы инициативные группы рабочих-ударников. В Подольске, где раньше работало только один литударник из 4 человек, сейчас — 7 литударников, объединивших 200 рабочих.

Но наряду с этими успехами есть и провалы.

Имеются факты поверхностного, формального подхода к проведению призвания, погоня за количественными показателями (Бауманский район), бюрократизация (Бауманский район), МАПП не сумел организовать призвания в некоторых районах области (Радищево, Тверь и др.), где для развертывания работы необходимо должны быть посланы бригады напущенцев.

Постановление секретариата МК ВКП(б), возлагающее на МАПП всю работу по руководству литературной работой на предприятиях, ко многим обязывает. Сейчас задача ассоциаций — зарекомендовать количественные результаты призвания литударников.

Уже работает семинар для организаторов — руководителей кружков, который открыто товарищи. Семинар расширяет полностью кругозор о кадр. руководителем кружков. В ряде районов мы только напомним о необходимости литударников руководителем (Красная Пресня, Бауманский район). Это ставит перед президиумом МАПП задачу — немедленно создать районный инструктаж по работе литударников на предприятиях, что и будет проведено в ближайшее время.

А. КРУПНОВ

ИМПЕРИАЛИСТАМ И ВРЕДИТЕЛЯМ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД НЕ ЗАДЕРЖАТЬ! СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ БУДУТ НА АВАНПОСТАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРОИКИ

МОЛЧАНИЕ

Без песен, без маршей, без наших знамен
На светлую улицу Стадком.

И улица и нам пошла в плен,
Глухая отчаянно и упорно
На вымпеле
Краснофлотских пент
Над белой волной
Краснофлотской формы.

Стуколо дождь по ледяной виски,
Шло необычайно —
Это шагали
Большевики,
Маршировали
Молчанье.

Мерный топот,
В топоте — слова: —
Говорит Севастополь,
Говорит Москва!

Молча, молча, —
Только шаги.
На нас по-волчьим
Глядят враги.

В ровном гуле,
Крик затаен,
На нас отовсюду,
Глядят друзья.

Молчим не напрасно,
Молчанье — жмет.
Марширует Красный
Черноморский флот.

И если в аду распева Орфей
И его даже Цербер слушал,
А в этом аду
Набавок и кафе
Рабочая песня
Задрушена,

Так черным огнем сметет она
Эстрады с пивными хлыпами,
И здесь сыграет
Гражданская война
Трагедия
Лучше Эсхиполовой.

Настежь отворены
Она квартир,
Наше море —
Весь мир!

У полумесяца светло лицо,
И стало оно фисташковым.
В огромном молчании —
Стена бойцов
Из чира другого
И страшно.

Офицер окончил,
Когда смолк кабакон,
Хоть это ему
И не надо бы.
Стакан опрокинут, и тихо топот
На пол ступил пинонадья.

Редактор выжевал на балкон,
Тоскливо ему,
Только шаги.
Топот —
Неумолимый закон,
«Проклятый передовицами,

И столько подей,
Что не сдается в строфе,
Столи
Шеренгами ровными,
Десятки и сотни ночных кафе
Смоклики, как зачерствевшие.

Потому что шел перед дулами
глаз
Восстающий класс,
Побеждающий класс,
Побеждающий класс,
Сила его и культура,

В молчаньи,
похожем на грохот морей,
В молчаньи,
срывающем петли дверей,
В молчаньи,
завещающем рабочих Пирей
К будущему
дикуратуре.

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКИЙ

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

При ФОСИ организован центральный штаб в составе представителей районных организаций, завода Ильича, ОГИЗ, Главкоопсоюза, ВПСС, ПУР, «Литгазета» и др., который будет руководить и учитывать опыт районной работы литорганизаций. Намечено разработать содействие на лучшую бригадную работу между отделениями ФОСИ и между литорганизациями, входящими в Федерацию.

В ближайшее время центральный штаб ФОСИ организует в клубе писателей большую вечер — митинг писателей-литударников и ударников-литударников. Будет проведена серия докладов-рефератов писательских бригад об опыте своей работы.

Литударник Электроставского завода ищет идею встречного профинанса ОИЗ на 1931 г. и предлагает секретариату ФОСИ, после проработки профинанса ОИЗ в цехах, литударникам, рабочим собраниям и литорганизациям, составить и выдвинуть встречный профинанс. Обсуждение государственного бюджета. Секретариат ФОСИ одобряет это название литударника Электроставского.

ВОКП организует как в Москве, так и в провинции семинары для подготовки руководителей колхозно-совхозных литударников. В ближайшие дни, на места будут разосланы программы и ряд пособий для работы колхозных литударников. ВОКП проведет вечера, посвященные призванию в творчество ударников колхозов и совхозов.

Колхозная конференция трактористов-ударников в Москве прошла при активном участии ВОКП. Крестьянские писатели выступили на конференции с 20 тезисами при участии трактористов и пролегли тезисы. ВОКП установил связь с делегатами-трактористами, которым дан ряд заданий по проведению литударнических подходов на местах.

К пленуму ВОКП вышлются из печати отчеты, посвященные важнейшим проблемам развития ВОКП в реконструктивный период, в частности, проблемам творческого метода крестьянской литературы.

Расширенный президиум МАПП приступил к постановлению секретариата РАПП о «Кружках». Вступивший информационное сообщение т. Жиги о решении методической группы «Кружки» после чистки войти в ряды РАПП, президиум МАПП издал коммюнике по этому вопросу.

МОЛИТВА ДЕМО

Мы все стали на несколько лет старше,
Прочитав обстоятельную многотомную речь
Рамана.

Вышло похороны в средних веках, что
Очень было, протестный выговор, сильное
подпольное чувство.

Вероятно, про такое средство писал Пушкин
в «Будеши и Людмила» «...черно
земным языком усердно демону молится».

Речь Рамана была исследована его —
это пятнадцать пафосов. Выяв неслыхан,
всю логика плана, и сказано, как все
испорчено или как можно все испортить.

Демон Рамана имеет хорошо известные
французские фамилии.

И думаю, что демону надо так слушать
черноземника
Рамана и его друга, писателя Г. Грелле,
думая, что они руководят страной и могут
повернуть ее в любую сторону.

Эта вещь определенно «византизм»
ошибки.

Казно было заключением из чужа Рамана,
заводил стропилы, и так как они строили
людьми для себя, рабочими для рабочих,
так и как рабочие руководили постройкой,
то тот, кто, который вывел Рамана
в план, коленировался. Так бывало
коммунистическое пороки сердца.

Затем, обманом можно повернуть, но
не победит.
Многие мы должны уметь, постарай, от
речи Рамана.

Между прочим, неслыханно уметь,
что можно и что нужно, с прочностью,
самым, глубоко понимать его, давать себе
ответ в связи частей, стоимости отдельных
элементов, как инстинктивный трансформатор.
Этот вопрос стоимости, вопрос энергетиче-
ские вышедших хозев Европы.

Зать, лихкие места строительства — это
указь черноморщанину.

И это в какой-то мере может предостеречь
настойчив журналист.

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

ИСКУССТВО — НА СЛУЖБУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Советское искусство до сих пор остается слабо связано с социалистическим строительством, сильно отставая от его темпов.

— Останется ли искусство в стороне или оно будет содействовать социалистическому строю? Вель искусство должно стать одним из мощных факторов воздействия на массовый сознание? Феликс Коп на широком совещании, посвященном обсуждению производственного плана сектора искусства и литературы Наркомпроса на 1931 г. Проводит не только потребителя, но и производителя искусства. Когда двигателем сопричастности является рабочий класс, он должен быть основным двигателем и на фронте искусства.

— Мы активизируем нашу работу в области искусства. Декрет Совнаркомом 7 октября с. г. и приказ С. А. Бубнова — это активные показатели нашей политики в театре, — подчеркнул в своем докладе об основных установках плана Главы искусства — О. Литовский. — Сейчас основная задача — перестройка всего фронта искусства, в соответствии с реконструктивным периодом. Вместе с пролетарской общественностью мы будем бороться с реакционными настроениями в области искусства.

Борьба за новое искусство требует новых пролетарских кадров. Между тем, по линии театральные кадры, мы готовим совершенно немереное количество музыкантов и певцов. Все это производится бесплатно и без учета их социального состава. В деле подготовки пролетарских художественных кадров сектор искусства и литературы почти ничего еще не сделал.

Самодельное искусство развивается в гилдийских темпах, но стихийно, беспринципно и почти без руководства.

Наша основная задача — перенести основное внимание на помощь и руководство самостоятельному искусству и на художественное обслуживание масс профтеатрами. На ряду с этим, мы должны широко развернуть все отрасли национальных искусств РСФСР.

Касаясь работы Главартепертама в 1931 году, т. Литовский указал, что основная установка ГИР — это организационная помощь театру и автору — в его работе над пьесой.

Приняв, развернувшись по докладу о производственном плане сектора искусства и литературы, покажили, насколько ценен опыт Главы искусства.

Впервые сектор искусства и литературы выносит свой производственный план на обсуждение рабочей общественности, — говорит рабочий 1. Займан («Серп и Молот»). — Этот план надо выдвинуть на фабрики и заводы, чтобы его детализировать. В свою очередь, предприятия должны составить свой встречный купплан Главы искусства.

В плане необходимо предусмотреть подготовку художественных кадров на заводах и фабриках.

Арткомитет (Патриот п.м. Вахтангов) справедливо отмечает тот фактор, который наблюдается в системе руководства художественными кружками на предприятиях. План Главы искусства предусматривает необходимость дискуссии о творческом методе театров и вопроса о подготовке кадров театристки.

В производственном плане сектора искусства и литературы на 1931 г., как это ни странно, почти совершенно отсутствуют вопросы литературы. Только в разделе о подготовке художественных кадров говорится о создании,ряду с

ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Пролетарский японский писатель Кан-Нагата сообщил нам следующее:

Союз революционных писателей («Сакка Домей») возник около 10 лет назад. Вначале это были писатели и анализаторы, а социал-демократическое большинство буржуазных писателей. Но с 1928 г. союз радикально преобразовался. С обострением классовой борьбы в Японии произошла и классовая дифференциация внутри самого союза. Если до того времени он состоял почти целиком из интеллигентов, то теперь он пополнился исключительно рабочими с производством и рабочими. В связи с этим утихли и идеология пролетарских писателей, освобожденных ценником от влияния буржуазных идей.

А борьба с традиционными буржуазными идеями велась жестокая и ожесточенная. Несмотря на все это трудности, пролетариат вышел из нее победителем. Чрезвычайно показательным в этом отношении является огромный успех, который был достигнут в японской революционной литературе в Японии. Центральный орган союза «Сенки» («Слова борьбы») расхлестился сейчас в количестве 30.000 экз. Это тем более знаменательно, что он подвергается систематическим преследованиям. Несмотря на то, что официально «Сенки» считается легальным органом, он фактически существует нелегально. Не только за участие в нем или за его распространение людей подвергают преследованиям, но достаточно потянуть нити у кого-нибудь номер журнала, чтобы это послужило поводом для ареста и политического вынесения. На нашей редакционной коллегии семь человек сейчас сидят в тюрьме.

«Сенки» вначале уделял большое внимание чисто литературным проблемам и отдала часть своих страниц художественному материалу, но теперь почти исключительно вытеснил литературу. Союз должен был поэтому выдвинуть социальный журнал «Над» (подпольный), объединяющий художников, музыкантов, архитекторов, работников театра и кино и т. д., в котором и

трактуется отдельные вопросы, посвященные искусству. Этот творческий интерес к политическим и экономическим вопросам определяет и нашу творческую платформу.

Число членов нашего союза превысило 200 человек. Союз организовал 300 местных организаций по всей Японии с читательскими и литературными кружками.

В АНГЛИИ издали отчет о деятельности британского кинопролетариата за 1929 г. За этот период бюро подвергло преследованиям свыше 300 фильмов. Запрещено свыше 100 картин, коммюнике «разлагательных» белых на фоне восточного туманного окружения, показывающих «солдат и женщин, страдающих в безобразных бражничестве и пьянстве», «разлагательных» белых на фоне восточного туманного окружения, показывающих «солдат и женщин, страдающих в безобразных бражничестве и пьянстве», «разлагательных» белых на фоне восточного туманного окружения, показывающих «солдат и женщин, страдающих в безобразных бражничестве и пьянстве».

Австралийские реформисты ведут деятельную работу по чистке Австралии от «полезительной» литературы. В числе других книг, на Австралию изгнаны, между прочим, даже книга Ремарка «На Запад без переноса».

В Дании идет ожесточенная борьба между публичными библиотеками, с одной стороны, и авторами и издателями — с другой. Библиотеки требуют от авторов и издателей «политически чистых» произведений. Петер Фредсе, который, находя, что действительно хорошие, выдающиеся книги не должны быть выданы из библиотек, требует от авторов и издателей «политически чистых» произведений. Петер Фредсе, который, находя, что действительно хорошие, выдающиеся книги не должны быть выданы из библиотек, требует от авторов и издателей «политически чистых» произведений.

Метлы ружьями. Началась генеральная наступление социализма.

Конкуренция — великая сила? Центральная капитализма? Какой жидкой, ниоткуда, уродливый выглядит она рядом с новой невероятной силой миллионов, рядом с соревнующимся глазом, бригад, цехов и заводом? С какой силой, уничтожающей всю гильдию и мерзость, вырывается это могучее орудие масс в толпу масс, организует, оплавивая, переделывая людские сердца, руки, рождая дела, достигаемые героями Там, в капитализме — отмирают худшие предприятия. Блес — не будет худших предприятий.

Спешить! Республика наступает! Скоро не останется старых авиолетов, тех, на боротах которых висели за 13 лет дождя: «Нобеля», «Литовский», «Рубинский», «Демидов». Еще год

НАУКА ВРЕДИТЕЛЬНОСТИ

— Наука возвращается старым способом мира, пребывающим в томительной консервации, — то, что строится или же разрушается, — это культура, новая, — что возьми! — из мифической жизни!

Обнавление — это хорошо, а это эти люди: взгляд, ослепленный в землю, шапка, которую мнут руки, испитое лицо. — Что за ним? Каждый смотрит прямо в глаза, и ты же этот упрямый, веселый, уверенный взгляд, как будто доходит до сердца. — Соревнуешься? Строчишь? Или это множество, миллионы, эти немые массы — работают, все — на одном общем деле, каждый помогает другому, каждый следит за другим: не смея отставать! Подтянись! Не можешь? — дай, помогу, научу работать.

Что это за люди? Что это за мир?

И разве, наоборот, наоборот, — раз! раз! раз! — слышит воздух парад. — Поняли, разогнаны, выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно ползет туманом мертвящий газ.

И вот он снова у ног — покорный русский народ, синоптический и панорамный, голый, зарубоченный наземкой наземкой, с заснеженными стариками и детскими трупами.

Вспомните: разогнаны выданы в полкочу! Будете строит! Интервенция! Партия генералов... Лужковский.

И бьет в небо оны дерзенья, скрипя на ветру обугленные столбы, качается береза, рвет ветер отжелезавенные ветви, но не сбросит ветру удаленного тела. Военная диктатура! Сначала уснопление, потом реформы! Успокоение...

Спокойно и мерно ползут чудовища танков, а вперед спокойно и мерно полз

ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ РАДИУСАМИ СЕКТОРА РАПП БЕЗДЕЙСТВУЕТ

РАПП решительно перестраивает свою работу, поворачивая лицом к производству, к рабочему удару, к политическому замыслу сегодня, выдвигаемому партией. Это поворот очевиден. О нем говорят и положительные итоги призыва ударников в литературу, административную работу, в различные ассоциации 1000 протаранов с фабрик и заводов и впереносе на центральный фронт работы в заводской литературе. О правительственной деятельности РАПП, о бытовом состоянии творчества работников свидетельствуют результаты творческого соревнования внутри РАПП, консолидации лучших сил протарановской литературы.

Но если радиусовые круги вращаются, если работа в различных организациях разрабатывается по правительственному пути, то на них поворотом «радиусовых кругов» еще крошечные поправки, медленно поворачиваются, пока не коснутся некоего центра — действительности производства.

В качестве практического мероприятия по перестройке работы секретариат РАПП был нацелен на создание при секретариате отдельных секторов.

Сектор массовой работы должен был охватить вопросы культурной революции, проведения очередных общесоюзно-партийных кампаний, работу с читателями. В научно-методическом секторе предполагалось сосредоточить составление программ, учебно-методическую консультацию, связь с научными учреждениями. На организационно-инструкторский сектор возлагалась работа с кадрами, связь с местными организациями, научные творческие задания местных АПП, выделение рабочих читателей. Сектор кружковой работы должен был заниматься разрабатыванием сети рабочих литературных кружков, учетом практики кружковой работы, организацией обмена опытом. Создан был и специальный сектор национальной работы.

Такой был план, разработанный и принятый секретариатом РАПП еще в начале сентября. Тогда же были выделены литературные сектора.

«Приняв рабочие ударники открывают новую главу в истории протарановского движения», — очень хорошо сказал в своем выступлении в А. Г. секретариат РАПП. В. Ильенко. — Инициатива в ударнике — значит не только приспосабливание к работе, но и осуществление работы в непосредственной близости от рабочего, привлечение его к руководящей работе.

Сектора, казалось бы, должны оказывать и оперативными центрами радиусовой работы по проведению программы, в центрах, объединяющих рабо-

чий актив «для непосредственного участия в повседневной работе РАПП и руководстве ассоциацией».

Через три месяца после постановки о создании секторов секретариат РАПП т. Ильенко своим письмом сообщал, что пока не начали функционировать только два сектора: научно-методический и кружковой работы.

Впрочем, работа научно-методического сектора, — как разъяснил нам его руководитель т. Серобинский, — выразилась в решении созвать 6 декабря оргсобрание.

Методической же работой, как оказывается, занимается сейчас сектор кружковой работы, — единственный, проявляющий признаки жизни.

Выпущенная РАПП программа для новых литературных ударников — это первый, и пока единственный, труд сектора.

Неудовлетворительность выработанной сектором программы отмечал уже т. Л. Авербах в статье «Текущие дела», напечатанной в номере 64 «Л. Г.». Эта программа, судя по творческим, в какой мере не рассчитана на организационно-инструкторскую и производственную и политическую деятельность. Это кружковой работы. Кроме того, в программе есть ряд мелких и крупных погрешностей. Она сложна и трудна: ее не одолжит и перекрученный фактовец, а не только начинающий кружковец-работник.

Уже для первого занятия кружковая программа предусматривает такие существенные сведения, как литературоведческая концепция Переврезова или теории Воронского. В качестве первых литературных пособий кружковцам-ударникам рекомендуются Шехавцов и Фрича.

Программа требует многих примеров, но не имеет ни одного. Допущены при ее составлении, например, в теоретических, посвященных дифференциации понятий, переиспользованы материалы, приближенные к протарановской литературе т. РАПП, но нет ни слова о В. В. Маяковском. В программе есть ряд серьезных формулировок. Ее сложность и оторванность от практики кружковца — следствие ошибок методов работы сектора. Программа составлялась в кабинетном порядке. Рабочие-кружковцы не были привлечены к работе над ней. Программа не проверялась на собраниях заводских литературных кружков. Не выданы даже грубейшие стилистические ошибки, ее отпечатали в 25.000 экземпляров и разошлись по местным организациям протарановских писателей.

На практике это привело к тому, что на предприятиях, в тех кружках, где руководители достаточно квалифициро-

ваны, смеяли и сообразительны, — программа откладывается на будущее, когда кружковцы, получив элементарные практические и теоретические литературные навыки, смогут разоблачить в сложной литературной спорной.

Но что делать тем литературкам, которые не имеют квалифицированного руководителя и для которых бюрократический сектор РАПП — единственный и авторитетный советчик?

Секретариат РАПП, рассматривая программу только как ориентировочную схему, считает, что она должна подвергнуться «значительным изменениям и дополнениям в ходе работы кружков, на основе опыта кружковой работы.

Но ведь... этим «ходом работы кружков», «ходом кружковой работы» должен был заняться именно сектор кружковой работы? Между тем, выработкой программы ограничивались до сих пор все действия сектора.

— За три месяца нашей работы, — рассказывает секретарь кружкового сектора т. Другов, — мы не имеем еще кадров работников. У нас нет даже сейчас ответственного руководителя. Я... продолжает т. Другов, — не ответственный.

Некому отвечать за то, что в работе сектора отсутствует массовость, что до сих пор не создан актив рабочих-кружковцев и кружководов, что практика и опыт кружков не учитываются, что сектор вообще не связан с работой кружков на местах, а с московскими кружками связан только частными образом: отдельные работники сектора, как члены МАПП, руководят кружками — в т.е.

Нельзя, в конце-концов, и работать. В РАПП есть силы для этой работы. Но нет работников. Ответственность научно-методическому, организационно-инструкторскому и организационно-массовую работу в секторе, равно как критику, литературоведческие, теоретические и другие задания на миллионный аппарат, на перестраивают этой работы на общественных началах.

В геометрии сектором называется часть круга, ограниченная двумя радиусами и дугой.

Если между двумя радиусами кружкового сектора четыре радиусных работника, по крайней мере, составили бы нечто большее — программу, то в других секторах между радиусами — пустое пространство.

Радиусы должны его заполнить работой и активизацией.

Бригада «Литературной газеты»:

Г. ЛЕРНЕР
(Шуговаева ф. м. Балаяева)
А. НАЛЬМ
В. РЕСТ

Тематика текущего сезона современна и даже злободневна: Красная армия и оборона («Первая конная», «Между бурей», «Завоеватели»), борьба за протаранские кадры («Светите, звезды»), перелом крестьянской массы в котле протаранского строительства («Темп»), проблемы художественной интеллигенции («Смена героев»), передача европейской методологии («Степной поход», «Гребес») — вот весьма разнообразный репертуар первых месяцев сезона.

Что же предвещают собой новые постановки с точки зрения их художественно-политического качества? Попробуем поработать в этом на примерах трех наиболее крупных — программных спектаклей: «Темп» и «Смена героев» Б. Ромашова и «Светите, звезды» Микитенко.

«Натурой» для «Темпа» послужила работа по созданию Протаранской — была на изумительном уровне героической борьбы рабочего класса за пятилетку. Автор — журналист-оратор Погодин — по долгу своей профессии имел возможность близко и долго наблюдать стройку Сталинградского индустриального гиганта.

Основной мотив «Темпа» — передача индивидуалистической крестьянской психики под влиянием организованного протаранского воледействия. В отрывках большевистских темпов соавники закалились и превратились в протаранов.

В спектакле привлекает — индивидуальность и искренность, историчность и глубина. О. Глазунов. Она «показывает» и отсутствие режиссерских «стрелок», и ряд существенных недостатков. К числу наиболее заметных дефектов постановки относятся весьма замечательный ритм спектакля («Темп»-той) и «спейс»-ное изображение крестьян. Особенно поражает медлительная и мрачная фигура строителя Зотова. Как попал на сцене своего облику и поведению наложивший петровский режим?

Центральные роли пьесы в большинстве играла молодежь театра и играла хорошо, с задором. Очень хороши Точнов (Болышев), в скупом и строгом рисунке показавший воспитанность под влиянием темной работы директора. Улучен и «докончил» грубо-индустриальный образ, созданный Мясниным (Максим). Отлично провел свою трудную роль на английском языке Русланов (Картер).

Проблема художественной, в данном случае театральной интеллигенции, этой проблемы социалистической реконструкции театра Керенная внутренняя перестройка театральных рядов, как необходимая часть пьесы, то здесь автор стал жертвой... тех же темпов. Если инстинкт и правопринципический инстинкт — инстинкт Голубов — гола полтора-два назад и мог представляться нам как балласт, как негодный интеллигентский материал, то в свете сегодняшнего дня такой Голубов отнюдь не типичен для своей «сменающейся» и скептически настроенной среды. Ведь многие члены «протаранки» оглядываясь на собственные признания, тоже находили «сомнительный» и «списанный» в сознании интеллигентский инстинкт и инстинкт империалиста. Автору (скажем так) ярче и отчетливее показывался — куда эволюционировать «сменающейся» Голубов. Верный иной показ не может не ввести известной дезорганизации в эстетический аудиторный. Это, бесспорно, недостаток пьесы. Непомерно большая роль отведена автором американскому инженеру Картеру, хотя этой фигуре нельзя отказать в новизне. Наряду с галереями шпо-

долю держали в руках. Но не с того конца.

Радио не было искусством, оно: вся практика художественного искусства увязывалась то с театром, то с литературой.

Отсюда ишло: кинофильмы, подделывали, инсценировали, транслировали. По литературе, то театр.

Делая это, конечно, часто паяла радио с бумажными, по чудными металлами, то с литературой, то с театральным искусством. Не пристрастно.

Получалось: художественная фальшь. Не было искусства.

Вышла: честная фальшь.

У радио как искусства своя эстетическая суть.

Долгожданный эфир, радиотехника, война, киноленты и слушатели.

А радио: бумага, печатный станок, шрифт, буквы и читатель.

Все разное: в «индустрия» и формы восприятия.

Радио живет: без бумаги и расстойки («Ленин»). Жиль Роман.

Но до последнего года именно «бумага» (литература) гуляла в эфире.

«Так Ленинский митинг миллионов» превращался в одиозное слушание радиослушателя с наушниками.

Ритм литературы, ритм театра сразу и целиком переносился в эфир.

В эфир посланы: вся теория словесности и синтаксиса литературы, все виды театра.

Вместо создания своей теории словесности и утверждения своей специфической интеллигентности, интеллигентности интеллигентности по эфиру апелляция к зрителю и читателю.

Когда кино стало на самостоятельную путь — оно одолело «важнейшие из искусств» (Ленин).

На практике — на деле в творческую работу уже входит все своеобразие новых материалов.

Через пентикку великой стройки, через антропоцентризм слова, звука, шума и слушателя подлетел новый вид мастерства.

Так годы пятилетия как реванш поворот к новым путям. радиовещание явил радиослушателя.

ТЕМЫ И ПЬЕСЫ. — ТРИ ПРЕМЬЕРЫ

«ТЕМП». — «СМЕНА ГЕРОЕВ». — «СВЕТИТЕ ЗВЕЗДЫ».

Все у драматурга очень гладко, спешивская грамота и даже выстраивающая работа. Борьба трудна и потому, что боимся на «мешанкой» свободные студенты отравляют атмосферу вуза. А ко всему тому — холодно и голодно Трудности и тяжелый быт иногда вселяют колебания в отученческие ряды. Но наука это фронт.

Протаранское студенчество берет все барьеры и разаживает во все концы Украины — опять на шахты, на заводы в колхозы. Им на своем идут новые протараны.

Пьеса развивается по двум линиям — по линии разоблачения злодея Смоля (борьба с открытым и жестоким классовым врагом) и по линии развенчания старого студента Антоно (борьба с интеллигентскими элементами). По отношению к мешанке Антоно, по отношению к мешанке Антоно, протаранские кадры, против всех происков классового врага, где бы он ни заводился.

Пьеса написана очень хорошим языком, с ясным юмором. Ряд образов дан автором с большой выразительностью и рельефностью. Смоля. Безпринципный Кота, Антоно, Мося Шиндлер — в четких классовых очертаниях, без какой бы то ни было условности и схематичности.

Очень хорошо сделана группа профессоров.

Условно сделана фигура эрза-студента Мося Шиндлера — боевой протаран, отличного товарища и хорошего общественного деятеля — прекрасный специализированный факт против антисемитизма.

Однако при всех своих качествах, пьеса не лишена весьма крупных недостатков. Прежде всего она драматургически громоздка и рыхла. «Светите звезды» очень затянута хроника, включающая материал минимум для двух пьес: для пьесы о Смоле и пьесы об Антоно.

Режиссер Б. М. Сушанкин правильно сделал, что пошел по пути упрощения спектакля, по пути преодоления директивных «структурных элементов», широким маяком это придало творческой инициативе и смелости. Многие сцены сделаны очень интересно (театральная, вождя, митинг). Совершенно вымучил из общего «широкого» стили постановку тонкая сцена в мешанкой свободе. Неудачно, полугражданской является сцена смерти Терени. Она безвкусна. Весьма неестественно также, что митинг, посвященный чистке вуза, прекращается по случаю смерти Терени.

Большинство центральных ролей в руках у молодяка театра.

Лучшее актерское достижение спектакля — Благоназов, в роли Смоля. Используя максимально все средства актерской выразительности. Благоназов сумел создать образ тонкий и убедительный. Образ опасного классового врага, Сержанту и благородную, ослепленную юностью юную фигуру Мося Шиндлера показал Туров. Натурализм в трактовке Кота и колхозника старшего артиста Азарина. Очень шустрыми, юты и несколько монотонными интонациями добился хорошего эффекта Афонин, играющий Антоно — тутовато обесчелоченного человека, случайно забытого на земле Превосходного в малых ролях Копилер и Исоева, Максиму живая впа в свои немилые сугубо агитные слова Готовцев (Гармаш). Хороша и характерная вся группа профессоров, особенно Шалахов. Немного робко и осторожно пошел в своей роли Антоно (Терени). Помешал бы! Но не свой роль играл Погодинский. В ее исполнении роль Блома была и непонятна и неужива.

«СМЕНА ГЕРОЕВ» — КУЗНЕЦОВ ВУКЕТОВ

«Светите звезды» привлекает перу украинского драматурга и ее постановка, наряду с другими пьесами украинского автора, намеренных в этом сезоне, свидетельствует, что интерес к драматургии братских национальностей, проявляемый во время олимпиады, не остался только платоническим. Во втором — пьеса написана протаранским драматургом и поставлена в одном из лучших наших «старых» театров — МХТ 2, что знаменует дальнейшее углубление протаранского сектора советской драматургии на академических подмостках.

«Светите звезды» привлекает перу украинского драматурга и ее постановка, наряду с другими пьесами украинского автора, намеренных в этом сезоне, свидетельствует, что интерес к драматургии братских национальностей, проявляемый во время олимпиады, не остался только платоническим. Во втором — пьеса написана протаранским драматургом и поставлена в одном из лучших наших «старых» театров — МХТ 2, что знаменует дальнейшее углубление протаранского сектора советской драматургии на академических подмостках.

«СВЕТИТЕ ЗВЕЗДЫ» — БЛАГОНАЗОВ

О самой пьесе Микитенко. Она рассказывает об актуальнейшем вопросе наших дней — о борьбе за протаранские кадры специалистов.

Воспитанные шахтеры, студенты, багряки, кожанки, еще ожившие поро-

жым дымом фронтов, берут приступом читальню науки, так как «интеллигентная мешанка», в стране строящегося социализма нужна, «дояздраву» нужны свои протаранские специалисты. Борба упорна и сурова потому, что враждебно еще часть профессуры, что классовый враг, кулак, вчера устранивший еврейские погромы, сегодня под личиной негодника пролив в университет и влетает свое разлагающее влияние. Борба трудна и потому, что боимся на «мешанкой» свободные студенты отравляют атмосферу вуза. А ко всему тому — холодно и голодно Трудности и тяжелый быт иногда вселяют колебания в отученческие ряды. Но наука это фронт.

Протаранское студенчество берет все барьеры и разаживает во все концы Украины — опять на шахты, на заводы в колхозы. Им на своем идут новые протараны.

Пьеса развивается по двум линиям — по линии разоблачения злодея Смоля (борьба с открытым и жестоким классовым врагом) и по линии развенчания старого студента Антоно (борьба с интеллигентскими элементами). По отношению к мешанке Антоно, по отношению к мешанке Антоно, протаранские кадры, против всех происков классового врага, где бы он ни заводился.

Пьеса написана очень хорошим языком, с ясным юмором. Ряд образов дан автором с большой выразительностью и рельефностью. Смоля. Безпринципный Кота, Антоно, Мося Шиндлер — в четких классовых очертаниях, без какой бы то ни было условности и схематичности.

Очень хорошо сделана группа профессоров.

Условно сделана фигура эрза-студента Мося Шиндлера — боевой протаран, отличного товарища и хорошего общественного деятеля — прекрасный специализированный факт против антисемитизма.

Однако при всех своих качествах, пьеса не лишена весьма крупных недостатков. Прежде всего она драматургически громоздка и рыхла. «Светите звезды» очень затянута хроника, включающая материал минимум для двух пьес: для пьесы о Смоле и пьесы об Антоно.

Режиссер Б. М. Сушанкин правильно сделал, что пошел по пути упрощения спектакля, по пути преодоления директивных «структурных элементов», широким маяком это придало творческой инициативе и смелости. Многие сцены сделаны очень интересно (театральная, вождя, митинг). Совершенно вымучил из общего «широкого» стили постановку тонкая сцена в мешанкой свободе. Неудачно, полугражданской является сцена смерти Терени. Она безвкусна. Весьма неестественно также, что митинг, посвященный чистке вуза, прекращается по случаю смерти Терени.

Большинство центральных ролей в руках у молодяка театра.

Лучшее актерское достижение спектакля — Благоназов, в роли Смоля. Используя максимально все средства актерской выразительности. Благоназов сумел создать образ тонкий и убедительный. Образ опасного классового врага, Сержанту и благородную, ослепленную юностью юную фигуру Мося Шиндлера показал Туров. Натурализм в трактовке Кота и колхозника старшего артиста Азарина. Очень шустрыми, юты и несколько монотонными интонациями добился хорошего эффекта Афонин, играющий Антоно — тутовато обесчелоченного человека, случайно забытого на земле Превосходного в малых ролях Копилер и Исоева, Максиму живая впа в свои немилые сугубо агитные слова Готовцев (Гармаш). Хороша и характерная вся группа профессоров, особенно Шалахов. Немного робко и осторожно пошел в своей роли Антоно (Терени). Помешал бы! Но не свой роль играл Погодинский. В ее исполнении роль Блома была и непонятна и неужива.

Три премьеры, три важнейшие темы, три различных художественных воплощения.

Но даже лучшая с художественной стороны пьеса «Светите звезды» не обходит еще позиций между актуальной темой и драматургическим качеством. Уничтожить эти ножицы — главная задача драматургии в театре.

О. ЛИТОВСКИЙ

ИЗ ПРАКТИКИ ПРИЗЫВА СИБИРСКИЕ ОЧЕРКИ

Удивительно ли, что первый ударник в литературу был встречен прокопьевской газетой «Завоев» как нечто такое, что самым близким образом описывает о делах рудника? В таком разрезе и делится на две части: «Завоев» и «Наследник» редактором «Завоев».

В самом деле, замечательной чертой «Завоев» является как раз эта связь творчества с жизнью, с классовой практикой протаранства, это та самая близость, в которой выдают лучшее достояние РАПП.

Конечно, прокопьевские ударники на первых порах объединяются вокруг наиболее конкретных вопросов жизни своего рудника. Но как организовать это дело во времени: писать этот коллективный набор на прокопьевские темы в границах нескольких дней, написать молниеносно очерк, посылать его в «Привет»?

Нет, очерк определенно мало — очерк в газете, как бы хорошо к нему и отнеслись, все же единичный, который не способен повлиять на широкую аудиторию. Протаранская литература должна быть живой, всею, разнообразно и увлекательно рассказывать бы советской общественности историю пути и трудности развития, перемены богатейшего рудника, заставляла бы о нем говорить и читать.

Потому тут неизбежен некоторый популярно-литературный период, когда можно будет не в газету, а очень осмысленно, походить и верно, как говорит Наседина, подобрать крепких ребят.

Собрание называется в клубе строителей, дайном барак с портретами вождя и соревновательскими лозунгами, — это довольно свежее.

— Мало народу-то, — ввинчивают завладо, — несколько молодежи и все.

Приходит критик, который уходит. Наседина предостерегает от слуховых слухов, подобно редким неспешным золотом при промывке. Освещение освещается, долго ли ждать. Дело, конечно, очень интересное, но если сидеть как пример, до утра, то сама понимаете.

Наконец, начинаю. Народ уже около половины зала, секретарь редакции открывает собрание, выбирает председателя старика-рабочего — все в порядке.

Для доклада прошу полчаса. Волебно слушает, по есть и слушатели, но очень неинтересованы. И даже вынуждена шепнуть ему, чтобы он следил за порядком в рядах. Москва, Ленинград и Лобовская, я вижу все тех же студентами и совсем не слышу предостерегающего председателя четвертого голоса. Тогда, высоко подняв четыре вынесенных мной из Москвы книжки, я призываю всех обязательно требовать их в библиотеке и красных уголках — и пускаю книжки по рядам. Вызолился по рядам книжки: Михайлова («В бой за металл»); Балкова, Тарасевича и др. — «О новых людях»; Паратова, Курнаева и др. — «Общественный бундук» и «Первый удар». В зале слеза зашумела, передавая книги за руку в руки, но гудание прекратилось — а то хаб.

Доказал конец, не в зале ни отсюда не ждали митинга нет. Отыскать литературков — признавал, ему выданы и обязанности выступить «на случай» — другим берет слово. Конечно, он — «за» Но это не помогает. Зал порежнему безмолвствует. Ни малейшего, как говорится, движения воды. Хорошо, найден полтора часа.

А ну, поговорим еще разок.

Да, у нас бывает, многие общественно важные дела начинаются в самом на вид небезразличном молчании равнодушия, даже иногда как бы спорова. Но вот подходить к людям с той с другой стороны, смотреть: дело-то ведь уж заматано. Люди даже уж воображают,

Секретарь комсомольского ревкома, Завоев, без дальних слов объявляет себя «уставником книги». Этот, конечно, прилет.

Приду еще некоторые, кому не удалось попасть на доклад. Например, Дятлов. Он забегал вначале вечера и, пообещавая терпеливо глазами на скамью, корням лицом, серьезно предупредил:

— Не могу, я в шахту. Завтра уже буду, если прижмется-то, тов. Дятлов!

Вернемся еще к собранию в клубе. Наша московская журналистка, тов. Кушана, понапав на свои задания на рудник, рассказывала как в книжке в Турксибе напечаталась в числе прочих и артельская страница (рассказ о ее слове).

Вскоре поднялась молодая женщина в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Секретарь комсомольского ревкома, Завоев, без дальних слов объявляет себя «уставником книги». Этот, конечно, прилет.

Приду еще некоторые, кому не удалось попасть на доклад. Например, Дятлов. Он забегал вначале вечера и, пообещавая терпеливо глазами на скамью, корням лицом, серьезно предупредил:

— Не могу, я в шахту. Завтра уже буду, если прижмется-то, тов. Дятлов!

Вернемся еще к собранию в клубе. Наша московская журналистка, тов. Кушана, понапав на свои задания на рудник, рассказывала как в книжке в Турксибе напечаталась в числе прочих и артельская страница (рассказ о ее слове).

Вскоре поднялась молодая женщина в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово — записать как будущих авторов, ведь желание вышло. Отчего бы не «выпить» и не «обнажить» десятка два писателей-ударников? Ну, нет, положение. Есть пока провалы, а насчет дела еще не совсем ясно. Выходит ли из этого, что в пуховой шапке и, отерев платочком губы, заявила:

— Я домашняя хозяйка, читать не складно, но участвовать не откажусь. — Так! Очевидно, лары турксибской странице кой-кому не дают покоя.

Ораторы все записываются; каждый обещает участвовать.

Что бы еще? Может быть «словить» всех на слово

СРЕДИ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕМ УКРАИНЫ ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

С целью расширения и углубления массовой работы постановлением расширенного секретариата ВУСПИ...

Юрий Яновский. «Мастер корабля»

1930. Тир. 5.000. Стр. 285. Цена 1 р. 50 к. Его же «Кровавая земля»...

Перед нами две книги Ю. Яновского, талантливого украинского писателя...

Путеводитель для литкружков

Мих. Юрин. «Литературный кружок на предприятии»...

Книжка Михаила Юрина необходима и современна...

Письмо из Туркмении

Восторженное обещание писателей (ВТОП), принявшее на своей первой конференции...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Охрана здоровья писателей

В кабинете санэпидкультуры клуба ФЗОП состоялось заседание...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Письмо в редакцию

Разрешите через «Литературную газету» обратиться к переводчице...

Открыта подписка на 1931 год Журналист

Сегодня и ежедневно художественный фильм 5 невест

Библиотека «Огонек»

Государственное издательство художественной литературы

Литературный сборник Донбасс ударный

Литературно-художественный сборник ЛОКАФ

Земля советская журнал

Рост журнал

Государственный внутренний выигрышный заем 1929 года

Государственный внутренний выигрышный заем 1930 года

Государственный внутренний выигрышный заем 1930 года

Государственный внутренний выигрышный заем 1930 года